

Спустя несколько минут Линь Сынянь незаметно подошёл к Линь Цзинли сзади и мрачно произнёс:

— Ты в последнее время не делал ничего, что могло бы меня огорчить?

Такой вопрос, произнесённый таким тоном, застал врасплох даже хладнокровного Линь Цзинли. Осознав, что это голос Линь Сыняня, он поправил очки и невозмутимо ответил:

— Я ошибался в своих суждениях? Я думал, у тебя не депрессия, а ты просто слишком вжился в роль и не можешь выйти из образа, что привело к когнитивным нарушениям.

Иначе как ещё объяснить, что Линь Сынянь вдруг задаёт ему такие вопросы.

— Если не ты наговорил про меня гадостей, то почему Фэйфэй перестал давать мне конфеты? И яблок тоже. Во всей семье Линь, кто ещё мог додуматься до такой низости, кроме тебя? — продолжал холодно настаивать Линь Сынянь.

— Я не настолько мелочен, — парировал Линь Цзинли. — Вместо того чтобы искать виноватых на стороне, лучше бы поискал причину в себе. Сынянь, неужели этому тебя учили в семье Линь все эти годы?

Какой мастерский ход — перевести стрелки и раздуть из мухи слона!

— Нет, — отрезал Линь Сынянь. Слова брата лишь укрепили его в мысли, что без него тут не обошлось.

На его губах заиграла улыбка. Он больше не стал препираться, а подошёл к малышу, сидевшему на диване, наклонился и прошептал ему на ухо:

— Фэйфэй, в последнее время не давай больше конфет дяде. Ты ему и так уже много дал, и он сказал мне, что у него теперь болят зубы.

— Зубы болят? — малыш поднял голову и посмотрел на папу. Он знал, что такое больные зубы. Каждый раз, когда крёстный приносил ему тортики и конфеты, папа говорил, что сладкого много есть нельзя, иначе зубы будут болеть.

Фэйфэй обеспокоенно посмотрел в сторону дяди.

— У дяди болят зубы? — Папа говорил, что это очень больно! Гораздо больнее, чем укол.

Фэйфэй плакал от уколов, и для него это была самая страшная боль на свете. А тут, оказывается, есть что-то ещё страшнее. Поэтому он раз и навсегда запомнил папины слова.

Линь Сынянь говорил тихо, так что, кроме Фэйфэя, его никто не слышал.

Он серьёзно кивнул.

— Дядя уже взрослый, ему стыдно. Поэтому папа сказал об этом только Фэйфэю. Никому больше, и особенно дяде, об этом не говори, хорошо?

Фэйфэй кивнул, показывая, что понимает странное чувство собственного достоинства взрослых.

— Папа, не волнуйся, Фэйфэй никому не скажет.

Затем он, подперев щечку рукой, с грустью добавил:

— Раз у дяди болят зубы, он не может есть конфеты. И Фэйфэй больше не будет ему их давать. От сладкого зубы болят ещё сильнее.

— Да, будут болеть, так что больше нельзя, — подтвердил Линь Сынянь.

Линь Цзинли молча наблюдал за этой парой, не испытывая особого любопытства к их секретам. Он лишь мысленно сделал пометку о Линь Сыняне: «После того как стал отцом, стал гораздо веселее и жизнерадостнее, будто помолодел». И решил, что попозже добавит эту заметку в файл «Линь Сынянь» в своём кабинете.

Вечером Ли Сюй, как обычно, сославшись на поздний час, остался ночевать в гостевой комнате. Он также договорился с Фэйфэем, что завтра вместе с Линь Сынянем и Линь Цзинли проводит его в садик.

Ли Сюй всё ещё злился. Почему его никто не предупредил о таком важном событии, как первый день Фэйфэя в садике?! Раз уж он пропустил первый день, второй он пропустить не мог ни за что.

— До завтра, крёстный, — помахал ему Фэйфэй ручкой, прежде чем Линь Сынянь увёл его спать.

— До завтра, Фэйфэй, — с улыбкой ответил Ли Сюй.

Если бы не очередной настойчивый звонок от Се Юяня, вечер можно было бы считать

удавшимся.

Ли Сюй уже начинал жалеть, что назвался крёстным отцом Фэйфэя, чтобы отвязаться от Се Юяня. Теперь тот, кажется, вцепился в него мёртвой хваткой.

— Я же сказал: нет — значит, нет! — уже не скрывая раздражения, отрезал Ли Сюй. — Отправлять такого маленького ребёнка в шоу-бизнес... Родители, которые на это соглашаются, делают это только ради денег. Ты думаешь, мне не хватает денег, чтобы обеспечить ребёнка? И не надо мне про талант и мечты. Ребёнок ростом с табуретку, ему нужно только радоваться жизни, есть и играть. А мечты... это вы, бессовестные дельцы, их ему в голову вкладываете.

Се Юянь, доведённый до ручки упрямством Ли Сюя, взорвался:

— А родители что говорят? Ты всего лишь крёстный, не тебе за них решать! А если, я говорю «если», у них сейчас трудности с деньгами? Представь, что они потом узнают, какой шанс упустили из-за тебя. Думаешь, они тебя не обвинят?

— Ребёнок — это просто ребёнок. Даже если взрослым придётся продать последнее, это не повод заставлять трёхлетнего малыша зарабатывать, — с разочарованием в голосе ответил Ли Сюй. — Се Юянь, господин Се, я замечаю, что нам с тобой в последнее время всё труднее находить общий язык. Как говорится, если взгляды не совпадают, и полслова — много. Может, нам пора разойтись?

Эта шпилька разозлила Се Юяня ещё больше.

— Разойтись? Ты забыл, как пришёл ко мне без гроша в кармане, как ел из моей тарелки? А теперь что, прозрел, святым стал? И теперь тебе, значит, со мной, торгашом паршивым, не по пути? Это я хочу спросить, что с тобой в последнее время творится? На компанию наплевал, работой не интересуешься, Линь Сыняня упустил, позволил ему уйти на покой. Я тебе хоть слово сказал? Кто из нас изменился — я или ты? У меня такое чувство, что тебя кто-то приворожил, ты целыми днями только и думаешь о своей любви, на компанию тебе наплевать! Нашёл новую опору, и компания тебе теперь мешает, да? Ты нашёл, ты теперь каждый день сияешь от счастья, рот до ушей. А я? Что у меня есть? Кроме компании, у меня ничего нет! Ребёнок-звезда — важная часть мирового шоу-бизнеса. Моя цель — преодолеть все трудности и сделать «Звёздные развлечения» крупнейшей компанией в стране С, нет, в мире! И для этого мне нужно заполнить эту нишу! Если бы не эта цель, я бы не знал, зачем я вообще живу и стараюсь. Ты думаешь, я хочу этого? Легко говорить, когда тебе так повезло, и твоя ангедония прошла от какой-то влюблённости. Будь ты на моём месте, я бы посмотрел на тебя! Если бы я хоть слово ещё сказал на эту тему, я бы... я бы был последним идиотом!

Ли Сюй сказал всего одну фразу, а в ответ получил целый поток обвинений, обид, зависти и злости. Се Юянь, казалось, готов был говорить вечно.

Видя, что его уносит всё дальше и дальше, и что он уже договорился до того, что Ли Сюй забросил работу из-за романа, Ли Сюй потерял дар речи.

— Не думай, что если ты так скажешь, я почувствую вину и дам тебе контакты его родных, — сказал Ли Сюй, прерывая его тираду.

Не дожидаясь ответа, он продолжил:

— Максимум, что я могу сделать — это спросить.

Се Юянь замолчал.

— Хорошо, спроси. Я перезвоню через десять минут.

Он повесил трубку, начал отсчитывать время, и не прошло и десяти минут, как телефон снова зазвонил.

— Ну что, что сказали родители? — спросил он, едва Ли Сюй ответил.

— Он велел тебе катиться к чёрту. И ещё, я завтра беру отгул. Раз уж ты позвонил, сообщаю тебе, моему непосредственному начальнику, лично.

Се Юянь: Ааааа! Разве влюблённые мужчины не должны становиться мягче? Почему этот становится только твёрже?

На следующее утро Ли Сюй проснулся рано и увидел, как малыш, ещё не успев толком проснуться, уже усердно занимается утренней зарядкой вместе с тремя дедушками и папой.

Наверное, у детей мысли проще, поэтому и спят они крепче. Малыш совсем не выглядел сонным, его глазки блестели.

— Всё, пора завтракать и идти в садик, — сказал Линь Сынянь, посмотрев на часы, и, взяв малыша за руку, повёл его в дом.

После завтрака Линь Цзинли поехал на работу и заодно подбросил Фэйфэя, Линь Сыняня, а сегодня ещё и Ли Сюя.

Линь Сынянь решил, что первую неделю будет сопровождать Фэйфэя в садике, пока не убедится, что тот полностью адаптировался.

В любом случае, в отличие от прошлого, у него теперь не было плотного графика, и он мог посвятить всё своё время Фэйфэю.

В машине малыш сидел в детском кресле, его ножки болтались в воздухе. Он посмотрел налево, на папу, потом направо, на крёстного, а потом вперёд, на дядю, и радостно закачал ножками.

В его маленьком сердце жила одна мечта, о которой он никому не говорил. Он мечтал, чтобы когда-нибудь они все вместе провожали его в садик.

Семья Линь и не подозревала о его желании, иначе они бы тут же его исполнили, и никто бы их не остановил.

На территорию садика можно было заезжать на машине, но только по подземному туннелю, чтобы не передвигаться по зоне, где играют дети, и случайно не сбить кого-нибудь.

На парковке водитель остановил машину. Линь Цзинли, Линь Сынянь и Ли Сюй вышли и повели Фэйфэя в группу.

Даже если не считать маленькую мечту Фэйфэя, такой эскорт был уже достаточно роскошным. Большинство детей в садике привозили и забирали не родители, а няни или водители.

Детям семьи Линь повезло. Не говоря уже о Фэйфэе, даже Линь Ханя в своё время в школу отвозил Линь Цзинли, иногда вместе с матерью. И так продолжалось до четвёртого класса, только потом его стал возить водитель.

Неизвестно, считал ли сам Линь Хань это удачей, но в глазах его одноклассников он был очень счастливым.

А сейчас счастливым малышом был Фэйфэй. После двойной порции любви от дяди и папы, он получил ещё и тройную — от крёстного.

Фэйфэй шёл, держа за руку Линь Сыняня, и подпрыгивал. Путь был разделён поровну: немного он шёл с папой, немного — с дядей, и немного — с крёстным.

Наконец, они дошли до двери группы. Дети, которые уже были там, радостно замахали Фэйфэю. Малыш с некоторым сожалением помахал всем на прощание и вошёл в класс.

Трое мужчин постояли у двери, наблюдая, как он садится на своё место, и только потом двинулись к выходу.

— Я видел, Фэйфэй тебе что-то дал? — вдруг спросил Линь Сынянь.

Линь Цзинли не стал отрицать. Он кивнул и достал из кармана пиджака маленький пакетик. Пряная утиная шейка?

<http://bllate.org/book/13654/1590775>